

В. КУТЕЙЩИКОВА,
Л. ОСПОВАТ

ЛИТЕРАТУРА В ЖИЗНИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

(К портрету Эрнесто Че Гевары)

Пять с лишним лет назад в Боливии, одной из самых отсталых и бедных стран Латинской Америки, расположенной на крутых отрогах Андского хребта, происходили события, приковавшие внимание всего мира. Шли последние отчаянные бои горстки партизан во главе с Че Геварой против преследовавших ее войск. Финал наступил в октябре 1967 года. Почти все участники отряда погибли, раненый Че был захвачен и убит. Стремясь ликвидировать материальные приметы жизни Че, враги по-своему внесли лепту в его посмертную славу.

Редко случается, чтобы реальная историческая фигура так мгновенно превращалась в легенду. Легенду прежде всего в изначальном смысле слова — революционер, погибающий за свободу народа, естественно становится в его сознании фигурой легендарной. Для миллионов латиноамериканцев Че и сегодня — живой герой, участвующий в борьбе. Но затем легенда о Че начала приобретать иные очертания, не только героические, но и, так сказать, демонические: переосмысленный левозкстремистскими идеологами, образ Че стал вы-

глядеть символом тотального насилия и террора. В десятках книг и тысячах статей, написанных о Геваре после его гибели, можно встретить самые что ни на есть противоположные концепции его судьбы — от истории «жестокое авантюриста» до мифа о «Христе XX века». Фигура Че оказалась в центре самых острых не только идейных, но и нравственно-философских столкновений, и потому нередко реальные черты этого революционера искажались. А меж тем деятельность и подвиг Гевары не могут быть поняты, если не знать, как в конкретных исторических условиях Латинской Америки формировались его идеи и его человеческий характер.

Гевара вошел в историю Латинской Америки в момент, когда этот континент превратился в арену бурных социальных взрывов, в поле высокого напряжения, где рождались и проверялись на практике новые формы революционного действия.

Путь Гевары — это путь превращения мятежного индивидуалиста в практика революционной борьбы. Этот путь был отмечен напряженными поисками, победами и заблуждениями. В данной статье мы не будем касаться революционной стратегии Че Гевары — она уже охарактеризована в других опубликованных у нас работах. Многие сложные философско-нравственные аспекты революционной деятельности Че Гевары также требуют особого рассмотрения. Наша задача иная — представить историческую траекторию Че Гевары под углом зрения того, какую роль сыграла литература в формировании его личности.

Родившийся в одной из сравнительно богатых стран Латинской Америки — Аргентине, в семье довольно обеспеченной, Эрнесто Гевара с юных лет обладал независимым нравом, проявлял ироничность и трезвость по отношению к окружающей его среде. Он на собственный лад повел борьбу со своим недугом — астмой: наперекор

правилам, с помощью усиленной физической нагрузки. Еще будучи студентом-медиком, он дважды совершил со своим товарищем путешествие по Латинской Америке. Не имея денег, но в избытке обладая смелостью и жаждой приключений, они не только увидели многое, но и многое пережили. Напомним хотя бы их врачебный опыт в перуанском лепрозории, где они в течение нескольких месяцев оказывали помощь людям, страдавшим неизлечимым мучительным заболеванием. Быть может, в ту пору их вдохновлял пример Альберта Швейцера. Однако внутренние импульсы молодого врача Гевары толкали его на поиски иного приложения своих сил. Этот поиск завершился в Гватемале, куда во второй раз Гевара приехал в 1954 году, том самом году, когда народ маленькой страны, осмелившийся провести аграрную реформу, подвергся агрессии Соединенных Штатов. Вот тогда-то молодой врач Гевара принимает жизненно важное для себя решение. Он избирает профессию революционера.

Попав в Мексику, он знакомится с Фиделем Кастро и вступает в его отряд, готовящийся для высадки на Кубу; цель этой экспедиции — свергнуть тиранию Батисты. Вместе с Фиделем Че проходит весь путь двухлетней партизанской войны в Сьерра-Маэстре и после победы отдает себя становлению нового общества. Он покидает Кубу через шесть лет, с тем чтобы повторить опыт Сьерра-Маэстры в другой стране Латинской Америки — Боливии.

Как бы ни оценивать итог боливийской кампании, сама гибель Че придала его жизни законченный смысл, с предельной ясностью обнажила необыкновенные черты его личности. Нужно было особое сочетание осознанного подвижничества и аскетического самопожертвования, сверхтвердости воли и творческой одухотворенности, чтобы жизнь его превратилась в легенду. Для Че Гевары в высшей степени была характерна сознательная самоорганизация собственной судьбы, целенаправленное построение своего характера. Об этом лаконично сказала однажды его товарищ по борьбе Айде Сантамария: «Ты сотворил нечто уникальное, ты сотворил самого себя». А в этом процессе «самосоздания» существенную роль сыграли факторы не только идеологические, но и этические и, как мы увидим ниже, эстетические.

Люди, близко знавшие Че, отмечали характерную его особенность — рано проснувшееся и сильно развитое воображение. «С самого начала Че умел соединять качества, которые нам покажутся полярными и несовместимыми, — реализм и фантазию. Он умел подниматься над реальностью потому, что обладал воображением, и умел превратить мечту в жизнь, ибо знал, что во всех случаях реальность более всего нужна людям для осуществления самых благородных идеалов», — сказал о нем мексиканский писатель Эммануэль Карбальо.

Говоря о роли воображения в ходе формирования личности Че, мы имеем в виду

это слово не только в общепринятом смысле, но и как собственно философскую категорию, как такое свойство человеческого сознания, которое является существенным условием всякого, и прежде всего революционного, исторического творчества. Замысел Фиделя Кастро — высадиться на Кубе с патриотами, оказавшимися вне страны, чтобы из горстки партизан выросла повстанческая армия, способная свергнуть тиранию, был примером революционного воображения. Этот замысел потому и захватил Че, что соответствовал его внутренним импульсам, стремлению осуществить «невозможное». Позднее он скажет, что в ту пору с Фиделем его «связала романтическая склонность к приключениям и мысль, что стоило умереть на чужом берегу во имя столь чистого идеала». Весьма показательным, что к самовоспитанию Че относился как к творческому процессу, сродни тому, что переживают люди искусства. В последнем письме родным, своего рода завещании, он писал: «Воля, которую я оттачивал с художническим самозабвением, теперь поддержит ослабевшие ноги и усталые легкие». Слово «художник» употребит впоследствии и Фидель Кастро, чтобы охарактеризовать сокровенную сущность Че. В прощальной речи 18 октября 1967 года он назовет его «художником партизанской войны».

С этим существенным свойством личности Че в значительной степени связана та роль, которую в его жизни играла художественная литература. Орудие самовоспитания, литература была для него также и полем приложения собственных сил. Произведения Че, в которых он запечатлел свой революционный и человеческий опыт, в свою очередь оказали воздействие на многих писателей Латинской Америки. Наконец, и сам он стал тем героем, который прямо из жизни шагнул на страницы литературы. Не полагая, что в одной статье можно хоть приблизительно исчерпать эту тему, мы хотим осветить в этих заметках некоторые существенные ее стороны.

Любовь к литературе пробудилась в нем рано. В рассказах отца, опубликованных после смерти Че, перечисляются книги, прочитанные им в детстве. Рядом с Джеком Лондоном, Дюма, Жюль Верном — обычным чтением в юношеском возрасте — русские и испанские классики, латиноамериканские романисты 30-х годов. Но особенно он любил поэзию. Выучив с помощью матери французский язык, он начал в оригинале читать Бодлера, ставшего его любимым поэтом. Его сверстники вспоминают, что он любил декламировать стихи Мигеля Эрнандеса, Гарсиа Лорки, Антонио Мачадо, Пабло Неруды. Любовь к поэзии он пронес через всю жизнь — отправляясь в Боливию, он взял с собой тетрадь с любимыми стихами, собственноручно им переписанными.

Читал Че всегда и везде. Его друг Гранадос, с которым он путешествовал по Латинской Америке, рассказывал, что в Перу, в городе Куско, отыскав библиотеку, он углубился в чтение книг по истории и археологии. В Мексике он нанялся разносчиком книг издательства «Фондо де культура экономика», затем сторожем на книжной выставке — лишь только для того, чтоб беспрепятственно читать. Там же накануне отплытия с экипажем «Гранма» он покупает своему товарищу Карлосу Бермудесу две книги: «Репортаж с петлей на шее» Фучика и «Молодую гвардию» Фадеева. Книги были для Че непременно участниками его собственной жизни, о чем свидетельствуют многие его признания.

Описывая первый тягчайший бой, который довелось выдержать членам экипажа «Гранма», высадившимся на кубинском берегу в декабре 1956 года, бой, в котором Че был ранен, он так вспоминает свое состояние: настигнутый пулей, «я растянулся и сделал один ружейный выстрел в сторону горы, повинувшись смутному импульсу раненого человека. Сразу же стал думать о том, как лучше умереть, — в ту минуту все казалось конченным. Я вспомнил старый рассказ Джека Лондона, герой которого, опираясь на ствол дерева, готовится достойно кончить свою жизнь; замерзая в ледяных просторах Аляски, он уже считал себя приговоренным к смерти. Это была единственная картина, которая возникла в моей памяти»¹.

Эти воспоминания интересны тем, что показывают, как сильно было тяготение Че к образному осмыслению жизни, если оно не покинуло его даже в столь кризисный момент.

Во время двухлетней партизанской войны в Сьерра-Маэстре Че, переносивший все тяготы этой войны с удвоенным мужеством, которого от него требовала еще и борьба против приступов астмы, не переставал читать запоем. «Пока все отдыхали, он брался за книги. И это в то время, пока остальные, истомленные усталостью, валялись спать». Таково одно из многих свидетельств очевидцев. А вот аналогичное: «Че читал рано утром, на заре, и поздно ночью у костра». В сборнике воспоминаний «Че в Сьерра-Маэстре» есть даже характерный раздел — «Ранец с книгами»; эта деталь в жизни Че бросалась всем в глаза. «Надо было плотно поесть, чтобы тащить на себе этот ранец», — шутливо вспоминает связной Гевары.

Журналистов, которые начали приезжать в Сьерра-Маэстру, поражало разнообразие читательских интересов партизанского командира — Маркс, Сартр, Мерло-Понти, Валье-Инклан, Тойнби, Бовуар. Тогда же была сделана и получившая широкое распространение фотография Че; она относится к его вынужденной остановке в Эль-Омбрито. Застигнутый приступом астмы, он лежит, раскрыв книгу Эмиля Людвига «Гёте».

¹ Очевидно, речь идет о рассказе «Костер».

Если собрать все имеющиеся воспоминания о Че Геваре в Сьерра-Маэстре, то можно составить длинный список книг — в него войдет и Ленин, — которые он читал, о которых рассказывал солдатам и крестьянам. Но, может быть, выразительнее, чем весь этот список, характеризует Гевару-читателя свидетельство старой крестьянки Чаны Перес:

«Этот христианин всегда таскал за собой книги; картинок в них не было, одни только слова. Я подумала: мать божья, и что же читает этот человек? Встану иногда за его спиной, пока он сидит с книгой, может, что и разберу, но это были все такие книги и журналы, в которых только про политику да про войну пишут. Может быть, там были у него и романы или книжки с рассказами, но я не очень-то разобралась, не большая я мастерица на чтение, да и зрение у меня плохое. Помню только, что книги все были в красных, синих, зеленых обложках. Ранец с книгами он никогда не бросал. И помню еще, что когда он брал в руки книгу, то становился таким тихим-тихим, наполовину вроде бы отсутствующим, а лицо становилось добрым, как будто бы он был в другом мире. И подумать только, есть же такие христиане, которые настолько сходят с ума от книг».

Чтение было для Че занятием творческим в самом точном смысле этого слова. Художественные, и в частности поэтические, образы не только оказывали на Гевару эстетическое и идейно-нравственное воздействие. Они перерабатывались его собственным сознанием, становились частью его собственной духовной жизни.

Из поэтов, близких Геваре, надо прежде всего назвать Хосе Марти. Апостол кубинской революции и поэт, проложивший новые пути латиноамериканской поэзии, он был для Че наивысшим образцом слияния революционера и художника. Гевара неустанно пропагандировал тезис Х. Марти: «Лучший вид слова — дело». Геваре были близки и дороги также высокие этические принципы Хосе Марти, который был идеологом не только социального освобождения народа, но и нравственного его возрождения: «Каждый настоящий человек должен чувствовать на собственной щеке удар по щеке другого человека». Эту фразу Гевара будет не раз повторять в своих выступлениях и статьях.

Геваре была очень важна и близка и еще одна идея Хосе Марти, которую тот сформулировал в конце XIX века, — идея континентальной солидарности латиноамериканских народов. Эту идею Хосе Марти выдвинул в момент, когда стала отчетливо обнаруживаться угроза империалистической экспансии Соединенных Штатов в страны Латинской Америки. Но истоки единства этих стран Марти находил еще раньше, в эпоху, когда индейцы Америки оказыва-

ли яростное сопротивление испанским конкистадорам. Марти напоминал своим современникам те далекие дни, когда ацтеки в ночном мраке зажигали очаги, огонь которых ярко освещал небо. «Настал час очагов, и ничего не должно быть видно, кроме света», — так афористически определил Хосе Марти задачу непримиримой борьбы против североамериканских колонизаторов в конце прошлого века. И эти же слова повторил Че Гевара, взяв их в качестве эпиграфа к последнему своему произведению — «Воззвание к народам мира». Оно было прочитано в Гаване на конференции ОЛАС в июне 1967 года.

Че Гевара много раз писал и говорил об исторической необходимости единства латиноамериканских народов, часто привлекая при этом и иные поэтические ассоциации — например, афоризм о роли братской дружбы из знаменитой аргентинской поэмы «Мартин Фьерро» Хосе Эрнандеса: «Если братья подерутся, то чужие их сожрут». Но, пожалуй, самым высоким художественным воплощением этой идеи была для него поэтическая эпопея «Всеобщая песнь» Пабло Неруды, стихи которого, как уже сказано, Гевара знал и любил с молодых лет. Товарищ Че по совместному путешествию Гранадос вспоминал, что, поднявшись в Андские горы, где сохранились руины древней индейской цивилизации, Че на память цитировал стихи Неруды «Вершины Макчу-Пикчу» — одну из частей «Всеобщей песни». Путешествие Неруды к Макчу-Пикчу в свое время сыграло решающую роль в кристаллизации художественного замысла «Всеобщей песни»; именно здесь поэт впервые столь остро ощутил величие и живую силу индейского наследия Америки как одной из основ ее единства. Через десять лет, повторив это путешествие, молодой Гевара как бы пошел по следам Неруды. Быть может, с эмоционально-эстетическими переживаниями Че связана его первая, пока еще полусерьезная, фраза о необходимости совершения революции в Латинской Америке.

«Всеобщая песнь» стала для Че одной из самых значительных и важных книг; есть несколько свидетельств о том, что он читал ее в Сьерра-Маэстре, а по словам крестьянки Линии Гарсес — еще и рассказывал о Неруде местным жителям, связанным с партизанами.

Были и другие причины особой тяги Гевары к поэзии Неруды. Когда двадцатидвухлетний Че попал в 1951 году в Чили, он не мог не знать о недавнем поединке поэта с диктатором Гонсалесом Виделой. Вынужденный скрываться, Неруда рассказал о своих скитаниях в поэме «Беглец», позже вошедшей во «Всеобщую песнь». Эта поэма — пример того, как сама жизнь перерастает в поэтическое творчество и как лирический дневник поэта, попавшего в исключительные обстоятельства, оказывается способным вместить в себя драму всего народа. В ту пору и прозвали Неруду «совестью Латинской Америки». Двумя десятилетиями позже совестью Латинской

Америки назовут Гевару, который, творчески строя свою жизнь революционера, искал в Неруде поэтическое предвосхищение своей судьбы. С одним из ранних его стихов — «Прощание», самолично переписанным в тетрадь, Че отправился в Боливию.

Интерес к этическим проблемам революции, особенно проявившийся в последние годы жизни Гевары, нашел свое кульминационное выражение в эссе «Социализм и человек на Кубе» (1965). Центральная тема этого эссе — проблема формирования нового человека в новом обществе. Этому же посвятил Гевара и свое выступление на митинге 15 августа 1964 года, причем он вновь апеллирует к художественному образу, на сей раз созданному большим поэтом Испании Леоном Фелипе.

Последние десятилетия своей жизни Фелипе провел в изгнании в Мексике, где с его стихами впервые познакомился Че. Представитель блестящей плеяды испанских поэтов XX века, современник Хименеса, Мачадо, Гарсиа Лорки, Фелипе выразил в своей поэзии яростный накал борьбы двух сил: тьмы и света, свободы и рабства. Зная о любви Че к его стихам, Фелипе послал ему в Гавану свою книгу с надписью-посвящением.

Случилось так, что первым откликом Гевары на полученные стихи Леона Фелипе и было его выступление перед рабочими, награжденными за трудовой героизм. Развивая мысль о рождении нового человека в новом обществе, о новом отношении к труду, он по памяти приводит стихи Фелипе:

Но человек — это глупый ребенок-
труженик,
превративший труд в потную поденщину,
превративший в мотыгу палку от
барабана,
вместо того чтобы выбивать ею из земли
песнь радости.

«Мне захотелось привести вам эти слова, — сказал далее Че, обращаясь к собравшимся рабочим, — потому что мы можем сказать сегодня этому большому отчаявшемуся поэту, чтобы он приехал на Кубу и увидел, как человек, прошедший все ступени капиталистического отчуждения и познавший положение вьючной скотины, стибавшийся под ярмом эксплуататоров, вновь нашел свою дорогу, вновь нашел дорогу к радости».

В письме, которое Че вскоре после этого выступления направил Леону Фелипе (21/VIII 1964), мы находим признания, существенно дополняющие представление о том, какую роль играла поэзия в жизни Че: «Учитель! Прошло несколько лет с тех пор, как после победы революции я получил Вашу последнюю книгу с посвящением мне. Я так и не сумел поблагодарить Вас, но она всегда со мной. Быть может, Вам будет интересно узнать, что одна из двух или трех книг, которые находятся всегда у меня под подушкой, — это «Олень». Мне очень редко удается ее перечитывать, потому что донныне на Кубе спать, проводить

время, не принося ощутимой пользы, или попросту отдыхать — это кощунство и преступление.

Недавно я присутствовал на митинге, который для меня имел большое значение. Зал был переполнен рабочими-энтузиастами, и в атмосфере ощущалось дыхание нового человека. То, что оставалось во мне от несостоявшегося поэта, выступило наружу, и я обратился к Вам, чтобы поспорить на расстоянии. Это знак моего преклонения перед Вами, и я прошу именно так это понять».

Первое признание — Че говорит о себе как о «несостоявшемся поэте». То, что он и в самом деле писал стихи, известно по опубликованному стихотворению «Песнь Фиделю», которое было написано им во славу подвига экипажа «Гранма». Сам Че никогда не собирался его обнародовать и был недоволен, когда помимо его воли это стихотворение появилось в журнале «Верде оливо».

Другое признание — поэма Леона Фелипе «Олень», которую особенно любил Гевара. Центральный ее образ символичен: преследуемый олень — это сам угнетенный и преследуемый на всем протяжении истории Человек, который ведет безуспешную, но непрекращающуюся борьбу за то, чтобы остаться Человеком. Итальянский кинорежиссер Джанни Тоти, однажды видевшийся с Геварой, специально обратился к этой поэме Фелипе, чтобы найти в ней ключ к личности Че. «Я заново прочитал «Оленя» и нашел объяснение любви Че к содержащейся в этой поэме безнадежной аллегории: оно — и символичное и пророческое... Че захотел совершить то, что уже совершал вечно преследуемый олень... но для того, чтобы поставить его преследователей лицом к лицу со всеми людьми планеты... Че хотел сам написать свою лучшую поэму, которую мы сможем прочесть, если все мы будем продолжать писать эту поэму — его и нашими руками...»

Не раз встречаешься с тем, что жизнь Гевары осмысливается его современниками именно в этом поэтическом ключе. И если такая интерпретация его судьбы имеет, как кажется, свои основания, то становится понятной роль еще одного, крайне важного для Че художественного образа — образа Дон Кихота. Косвенно упоминал об этом и он сам. Для Че Гевары — человека, который строил свою жизнь революционера, окрыленный мечтой, — Дон Кихот был высшим воплощением человеческого подвига во имя ее. И здесь, уже в иной связи, хочется вспомнить слова Леона Фелипе, который, говоря о назначении поэта, дал свое собственное, весьма современное и созвучное Геваре истолкование бессмертного образа Сервантеса: «Поэт не тот, кто ловко играет маленькими словесными метафорами, но тот, кого пробудившийся прометеев дух ставит зачинателем великих метафор — социальных, человеческих, исторических, межзвездных. Дон Кихот — поэт этого класса. И он отличается от за-

урядных поэтов мира тем, что хочет писать свои стихи не острием пера, но острием копья... Там, где присутствует фантазия, неизбежно возникает воля. И метафора поэтическая вливается тогда в великую метафору социальную...»

Эти строки Леона Фелипе могли бы стать эпиграфом к жизни Че Гевары. Воображение, питавшее его могучую волю и пронесенное им через всю его жизнь, то, что некогда подметила старуха Чана, когда смотрела на этого «христианина, который настолько сходит с ума от книг», на самом деле сделало его зачинателем «великих метафор». Неутомимый мечтатель, искатель новых путей и средств борьбы за освобождение человечества, Гевара и сам осмысливал образ Дон Кихота в ключе высокой поэзии. И словно прямой отзвук слов испанского поэта звучат собственные слова Че. В письме к родным, отправленном накануне отъезда в Боливию, он сам полушутливо отождествил себя со странствующим рыцарем Сервантеса: «Я вновь чувствую своими пятками ребра Росинанта, снова, облачившись в доспехи, я пускаюсь в путь... Многие назовут меня искателем приключений, и это так, но только я искатель приключений особого рода, из той породы, что рискуют своей шкурой, чтобы доказать свою правоту».

Характерно, что тот же образ возникает косвенно еще в одном письме, отправленном непосредственно из Боливии: «Сквозь пыль, поднятую копытами Росинанта, с копьем, готовым вонзиться во врагов-гигантов, преследующих меня, я спешу передать вам это почти телепатическое послание...»

Творческая энергия Че, его способность заставить воображение работать на революционную практику органически сочетались в нем с такими совершенно не «донкихотскими» чертами, как беспощадная трезвость, народный юмор (характерными отнюдь не для Рыцаря Печального Образа, а скорее для его оруженосца), умение критически оценивать не только других, но и себя. Его строгая приверженность к фактам со всей силой проявлялась тогда, когда он сам брался за перо, чтобы зафиксировать события, которых был свидетелем или участником.

Потребность записывать увиденное и пережитое довольно рано проявилась у Че. По свидетельству товарища его юности Хосе Агиляра, он уже по возвращении из первого путешествия по Америке начал писать дневник. Эту привычку он сохранил до последнего дня жизни. И в Сьерра-Маэстре, и в Боливии Гевара вел дневник на глазах у товарищей; они позже об этом вспоминали как о характернейшем его пристрастии. Свидетельствует об этом и Фидель Кастро:

«Во время партизанской жизни Че имел привычку тщательно записывать в своем

В. КУТЕЙЩИКОВА, Л. ОСПОВАТ
ЛИТЕРАТУРА В ЖИЗНИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

личном дневнике наблюдения каждого дня. Во время долгих переходов по пересеченной и труднодоступной местности, среди влажных лесов, когда отряды людей, сгибающихся под тяжестью ранцев, снаряжения и оружия, останавливались на минуту на отдых или когда колонна получала приказ остановиться для организации лагеря после утомительного трудового дня, можно было видеть, как Че — так мы, кубинцы, с любовью окрестили его с самого начала — вынимал свою записную книжку и мелким, едва понятным почерком врача делал свои записи.

Гевара не считал себя писателем — и не только из-за присущей ему скромности («Звание писателя для меня — самое священное в мире», — признался он в письме к своему соотечественнику, известному прозаику Эрнесто Сабато), но и потому, что брался он за перо, как правило, с единственной целью: как можно точнее передать факты. Чем более важную роль играло в его деятельности воображение, тем упорней стремился он, запечатлевая эту деятельность в слове, обойтись, насколько возможно, без участия воображения. Еще при жизни ставший олицетворенной легендой, сам он не допускал в своих сочинениях ничего вымышленного.

Обращаясь к участникам боев и походов в Сьерра-Маэстре с призывом записать пережитое, он настаивал: «Просим лишь о том, чтобы рассказчик был предельно правдив, чтобы никогда во имя уточнения собственной позиции, или ее приукрашивания, либо для того, чтобы сделать вид, будто он был там, где его не было, этот рассказчик не написал чего-либо неверного». Такое же требование Гевара постоянно предъявлял и себе самому.

Однако, несмотря на это, а может быть именно благодаря этому, можно сказать, что Гевара внес свой вклад в латиноамериканскую прозу. В наше время, когда между художественной литературой и внелитературной словесностью происходит все более активное взаимодействие, эстетические открытия подчас совершаются в промежуточных «пограничных» жанрах. И многие страницы литературного наследия Че, обладающие ценностью не только исторического, но и человеческого документа, несут в себе заряд художественного обобщения. Здесь возникают и отчасти реализуются новые возможности исследования внутренней жизни человека в такие моменты, которые требуют от него максимального напряжения физических и духовных сил.

Человек в революции, человек в освободительной борьбе — тема сама по себе не новая для латиноамериканской литературы. Но судьба Че, который был одним из вождей и в то же время рядовым бойцом партизанской войны, ее идеологом и летописцем, наделенным к тому же даром чисто художественной восприимчивости,

острым интересом к конкретному и частному, — эта судьба необыкновенна. А отсюда и особая широта и своеобразие его взгляда на революционную действительность, особая его зоркость. В казалось бы протоколно зафиксированных им фактах нередко проступает глубинный человеческий смысл; документальное свидетельство оказывается способным соперничать с образным осмыслением жизни.

Новое качество обнаруживается уже в дневниковых записях, которые, как сказано, Гевара вел смолodu и до самой смерти. Пока опубликована лишь заключительная часть этих записей — знаменитый «Боливийский дневник», начатый в ноябре 1966 года и оборвавшийся 8 октября 1967 года, за два дня до гибели Че. «Вот и на сей раз благодаря неизменной привычке Че записывать основные события каждого дня мы располагаем подробнейшей, точной, неоценимой информацией о последних героических месяцах его жизни в Боливии», — писал в предисловии к первому изданию дневника Фидель Кастро.

Найденный в походной сумке Гевары, дневник попал в руки врагов, но через некоторое время его фотокопия была переправлена на Кубу. Там дневник был прочитан и издан, а затем переведен на двадцать два языка.

Историческое значение «Боливийского дневника» трудно переоценить, а вместе с тем он обладает поразительной силой эмоционального воздействия. Теоретически разработавший «стратегию партизанской войны», Че в Боливии реализовывал ее на практике, и его дневник содержит бескомпромиссный анализ этого практического опыта. Героическое предприятие не увенчалось успехом. Лаконичные записи рассказывают о том, как оказались тщетными усилия партизан обеспечить себе поддержку населения, а без этого была невозможна победа. Запечатленная безыскусно и деловито, встает перед нами трагическая коллизия.

В поле зрения Гевары — как отряд в целом, так и каждый из бойцов. Его в особенности интересует поведение людей в критических ситуациях. Неотразимо достоверны психологические наблюдения, объектом которых чаще всего является сам автор.

Вот запись от 3 июня 1967 года: «...в 17 часов проехал военный грузовик, тот же, что и вчера, с двумя солдатами на скамье, завернувшимися в одеяло. У меня не хватило мужества застрелить их, а мозг недостаточно быстро сработал, чтобы задержать машину, и мы позволили ей проехать». В истории партизанского отряда этот эпизод не играет существенной роли. Но он существенно дополняет человеческий облик революционера.

Гевара не оправдывает себя («У меня не хватило мужества»), но он и не раскаивается — он просто рассказывает: так было. И рассказ этот убедительно опровергает утверждения тех, кто хотел бы предста-

вить Че слепым фанатиком, уверенным в своей непогрешимости.

Еще одна запись, сделанная 8 августа 1967 года, когда партизанский отряд уже двигался навстречу гибели. Изнемогавший от астмы и усталости, выведенный из себя строптивостью лошади, на которой он ехал, Че ударяет ее ножом в шею. А вечером, на привале, собрав всех товарищей, он обращается к ним со следующими словами: «Мы в трудном положении... Я превратился в человеческое отребье: эпизод с лошадкой показывает, что бывают минуты, когда я теряю контроль над собой. Это поправимо, но обстановка, в которой мы находимся, одинаково тяжела для всех, и тот, кто не чувствует себя способным выдержать ее, должен так и сказать. Настал один из таких моментов, в которые принимаются великие решения. Борьба, которую мы ведем, дает нам возможность стать настоящими революционерами, подняться на высшую ступень рода человеческого, и в то же время она позволяет каждому из нас выдержать экзамен на звание Человека. Кто не в силах добиться ни того, ни другого, должен признаться в этом и бросить борьбу».

Свою мечту о новом человеке, которого формирует революция, Гевара подвергал суровой проверке. Даже из собственной слабости он стремился извлечь урок для своих товарищей. В верности правде, сколь горькой она бы ни была, проявляется его революционный пафос, твердость его характера. В этом — один из важнейших политических, человеческих и художественных уроков «Боливийского дневника».

Большая степень художественной организации жизненного материала характеризует вышедшую в 1963 году книгу Гевары «Эпизоды революционной войны», рассказавшую о тех событиях, которые привели к свержению режима Батисты и победе народной революции на Кубе. В ее основу положены дневниковые записи, однако подвергшиеся авторской обработке, в результате чего они превратились в законченное произведение. «Че писал «Эпизоды революционной войны» — эту превосходную, чистую, разговорную прозу, движимый не только интеллектуальными побуждениями, но еще и как художник... «Эпизоды» — это сама плоть борьбы, персонафицированная в живых фигурах, героических и колеблющихся, возвышенных и жалких, но неизменно подлинных». Так оценил эту книгу кубинский поэт Роберто Фернандес Ретамар. О художественных достоинствах «разговорной» прозы «эпизодов» Гевары писала также и его выдающаяся соотечественница, писательница Мария Роса Оливер.

Стоит добавить, что «Эпизоды революционной войны» — это и история формирования личности автора, его превращения из стихийного бунтаря в одного из вождей и идеологов кубинской революции. Как признавался сам Че, только опыт партизанской войны в Сьерра-Маэстре привел его к мысли о необходимости соединить борьбу

бу против политической тирании с коренными преобразованиями всего общества: «Идея аграрной реформы обрела тогда ясность, а связь с народом из теоретической посылки превратилась в важнейшую составную часть нашего сознания».

Книга Гевары написана деловито, без патетики, без какой бы то ни было экзальтации. Автор подчеркнуто объективен, даже суховат. Партизанская война в его описании — это прежде всего изнурительный труд, лишения, постоянное напряжение физических и духовных сил. О героизме и подвижничестве говорится мало, но тем более убедительно ощущение и сознание того, что партизаны — настоящие герои. Это чувствуется по тому, как мужественно преодолевают эти люди голод, жажду, усталость, как ведут себя в бесконечных стычках, засадах, сражениях.

Один из первых эпизодов — «Алегрриа дель Пио». Так называется место, где 5 декабря 1956 года революционеры, высадившиеся на болотистый берег со шхуны «Гранма», были встречены огнем правительственных войск. Из восьмидесяти двух товарищей Фиделя в отряде осталось двенадцать, включая самого Че. Рассказывая об этих трагических событиях, автор сознательно ограничивает себя кругом личных, непосредственных наблюдений; картина сражения встает перед нами такой, какою она запечатлелась в его смятенном сознании.

Вот он — врач отряда, тащивший с собою мешок с медикаментами, — неожиданно для себя превращается в бойца, когда один из отчаявшихся товарищей бросает ему под ноги ящик с патронами. «Пожалуй, именно тогда передо мною практически встала дилемма: мое медицинское призвание или мой долг революционного солдата. Передо мною лежал мешок с медикаментами и ящик с патронами, они были слишком тяжелы, чтобы унести оба. Я схватил ящик и, бросив мешок, пересек прогалину, отделявшую меня от тростниковых зарослей».

Раненный в грудь и горло, он читает свой приговор в глазах ближайшего товарища, готовится умереть достойно, вспоминает рассказ Джека Лондона. В то же время он не только продолжает стрелять, но и слышит, как «кто-то, стоя на коленях, кричал, что надо сдаваться, а сзади раздался голос (потом я узнал, что это кричал Камило Сьенфуэгос): «Здесь никто не сдается»... и крепкое словцо вдобавок». Цепкий взгляд его схватывает «то достойные Данте, то гротескные сцены»: «Один здоровенный боец пытался укрыться за тростниковым стеблем, а другой посреди ужасной сумятицы и выстрелов требовал тишины, не зная, собственно, для чего».

Из этих, казалось бы, разрозненных подробностей вырастает не просто неопровержимая в своей подлинности картина

В. КУТЕЙЩИКОВА, Л. ОСПОВАТ
ЛИТЕРАТУРА В ЖИЗНИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

боя, увиденная глазами необстрелянного новичка. Досконально фиксируется состояние человека, подвергающегося тягчайшему испытанию и выдерживающего его.

В статье «Роль документа в организации художественного целого» П. Палиевский останавливается на такой ситуации, когда в роли автора документа выступает творческая личность. В этом случае, пишет он, «факт использует лучшую из возможностей, чтобы прорасти,— сознание художника, попавшего в исключительные обстоятельства жизни, как правило тяжелые». Справедливость этого утверждения обнаруживается, в частности, на примере эпизода «Алегриа дель Пио», да и ряда других эпизодов из книги Че о революционной войне, где факт нередко подымается на высоту художественного образа.

По мере того как разворачивается история отряда — как он превращается в повстанческую армию, одерживает победы,— перед автором книги все острее встают проблемы этического плана: отношение к дезертирам и пленным, к предателям и мародерам, к раненому врагу и нарушителю дисциплины. Конкретные ситуации заставляют его задуматься над вопросами о субъективной и объективной вине солдата, о страхе, мужестве, совести. Суровая действительность революционной войны всесторонне испытывает и проверяет людей — этой проверке, ее результатам Че уделяет особое внимание, без упрощения воссоздавая самые сложные и трудные случаи.

Среди эпизодических персонажей, нарисованных Геварой, запоминается крестьянин Эутимио, мрачной судьбе которого посвящены выразительные страницы. Добровольно пошедший в проводники к партизанам, этот человек поначалу верно служил им. Однако, попав в плен к врагам, он стал изменником и за десять тысяч долларов согласился убить Фиделя Кастро. Эутимио вернулся в отряд, где ему по-прежнему доверяли. В одну из холодных ночей он лег под одно одеяло с Фиделем, спрятав за пазухой револьвер, но так и не решился на убийство. «Всю эту ночь многое в судьбе кубинской революции находилось в зависимости от мозговых извилин предателя, от шедшего в них процесса сложения и вычитания: храбрость и трусость, ужас и, быть может, остатки совести, жажда власти и денег. Но, к счастью для нас, сдерживающие факторы одержали верх, наступил день, а так ничего и не произошло».

Наконец, Эутимио был разоблачен — у него обнаружили припрятанный револьвер, гранаты и пропуск, выданный батистовским офицером. «Он упал на колени перед Фиделем и просто попросил, чтобы его убили. Он признал, что заслуживает смерти. В ту минуту он казался постаревшим, на висках его стала видна изрядная седина, которой мы раньше никогда не замечали... Его спросили, нет ли у него какого-либо желания, и он ответил, что есть, что он просит Революцию, или лучше сказать нас, позаботиться о его детях.

Революция выполнила эту просьбу».

Один из самых законченных в художественном отношении эпизодов книги — «Убитый щенок». Содержание его несложно: увязавшийся за отрядом щенок может своим лаем выдать партизан, и Гевара без колебаний отдает приказ задушить его. А некоторое время спустя, на привале в заброшенной крестьянской усадьбе к партизанам, отдохавшим под звуки гитары, подходит хозяйская собака. «Внезапно наступило молчание. Незаметно подкравшееся волнение охватило нас... Ласково, плутовато и в то же время словно с упреком смотрел на нас глазами другой собаки тот, убитый щенок».

Вынужденная условиями борьбы жестокость должна быть осознана и прочувствована, должна оставить след в душе,— даже если речь идет о собаке! — иначе солдаты не смогут оставаться людьми.

«Эпизоды революционной войны» вошли в латиноамериканскую литературу как произведение документального и художественного значения, как образец революционного опыта, закрепленного в слове. «В неповторимом стиле этой книги,— сказал известный кубинский писатель-публицист Рауль Роа,— исчерпывающе выразился ее создатель».

Образ Че Гевары уже давно стал достоянием современной прозы и поэзии Латинской Америки. Его легендарная фигура присутствует не только в сотнях стихотворений и поэм, созданных в том числе крупнейшими поэтами континента, но и в таких значительных произведениях прозы, как рассказ Хулио Кортасара «Воссоединение» и роман боливийского писателя Р. Прады Оропесы «Зажигающие зарю»¹. Но эта тема особая, и она выходит за пределы данной статьи.

¹ Опубликован в журнале «Иностранная литература» № 11, 1971 г.